

Нежное, юное тело — обнажённое, гладкое, гибкое, как ивовый прут, хотя ещё по-мальчишески угловатое, — льнуло к нему с безрассудной, неуклюжей нежностью.

От тонкой, хрупкой шеи исходил сухой, едва уловимый, терпкий аромат — он, казалось, просачивался в самую душу Сяо Минпаня, будоража и смущая.

Сяо Минпань, внезапно оробев сердцем, мягко отстранил его.

— Полно тебе. Спи.

Спустя какое-то время до него донёлся плач — тихий, почти беззвучный.

Он пригляделся — юный супруг, отвернувшись, съежившись весь, плакал уже бог весть сколько времени: подушка под ним насквозь промокла.

Сяо Минпань растерялся вновь. Даже чтобы просто положить руку на это хрупкое плечо, ему пришлось собраться с духом — рука стала влажной от волнения. Хрупкие косточки под пальцами казались такими тонкими, что, казалось, сломаются от малейшего усилия.

— Вы гнушаетесь мной оттого, что я так юн? — спросил Су Фан сквозь слёзы.

Сяо Минпаня вдруг захлестнуло чувство вины.

— Это я перед тобой виноват. Тебе выпала горькая доля — выйти за меня. Я гожусь тебе в отцы.

— Нет тут унижения, — тихо, едва слышно проговорил Су Фан. — Вы великий герой. Я вами восхищаюсь.

Как-то незаметно он снова прильнул к груди Сяо Минпаня и, заливаясь краской безмерного стыда, прошептал:

— Супруг мой, — прошептал он, замирая от стыда, — молю вас, будьте нежны со мной.

И тогда Сяо Минпань принялся осыпать ласками своё юное сокровище, покорное его воле.

Су Фан касался его — и чувствовал мускулы, твёрдые, как железо, и кожу, грубую и шершавую, будто камень. От его тела исходил особый запах — смесь металла, туши, степного разнотравья и благородного старого сандала... Впоследствии он станет называть его про себя «запахом мужа».

А сейчас в голове у него было пусто, и только всё тело пылало жаром; разрозненные мысли вспыхивали, точно звёзды в беспорядочном танце: «Так вот оно какое, мужское тело... надо же».

Юноши-гэры и мужчины в общем-то схожи строением.

Только гэры сложением изящнее и меньше... и способны выносить дитя.

Сяо Минпань знал, что природа его не обделила.

Когда-то в военном лагере, в простой, лишённой условностей жизни, братья по оружию мылись нагишом в одной реке. Кто-то, бывало, подтрунивал: «Командир, ну и достоинство же у тебя! Распутные гэры от такого без ума будут».

Он пошёл в армию в тринадцать, а уже в первых боях воочию узрел, как солдаты и бандиты, подобно злобным духам, бесчестили и грабили простой народ. Он не понимал, какое удовольствие можно находить в том, чтобы губить людей.

Теперь же с бесконечным терпением он целовал и ласкал юного супруга, пока тот не расслабился, не стал мягким и податливым — словно плод, что наконец дозрел до сладости.

Однако то, как юноша отзывался на его ласки, всё равно встревожило Сяо Минпаня.

— Больно?

— Нет.

«Лжёт», — подумал он.

Тонкие руки, дрожа, обвивали его шею. Заставляя себя быть храбрым, Су Фан лепетал:

— Я... всё хорошо. Я просто... ведь это впервые... мне немного страшно.

С этими словами он приподнялся, ища губами губы мужа.

— Поцелуйте меня ещё.

Сяо Минпань заметил: юноша, похоже, очень любит целоваться.

Совсем неопытный сперва, он с двух раз выучился отвечать на поцелуй. Язычок его имел вкус белого чая и сладость фруктовых леденцов.

Поцелуями Су Фан подбадривал себя.

Он мысленно твердил себе: «Ничего. Такая боль — вполне терпима. Не больше, чем стирать бельё зимой в ледяной воде. Не больше, чем за трое суток сшить вручную целый наряд, когда пальцы потом болят так, что не уснуть. Потерплю — и всё пройдёт».

Он с детства знал, что жить на свете — значит неизбежно терпеть муки.

Но эта боль оказалась странной.

Боль, переходящая в сладкую истому.

Лучше уж разом испытать острую боль, чем долгую муку.

Лучше уж пусть разом, без затяжного томления.

Терпел-терпел он, а потом вдруг напрямик попросил:

— Может ли господин побыстрее?

Сяо Минпань замер, втянув воздух сквозь зубы.

Даже его, с его редкостной выдержкой, это задело за живое.

Глупый юнец! Ничего не ведает, а говорит такое без стеснения!

Подобная покорность способна свести мужчину с ума.

Хорошо, что он — человек благородный и честный...

Услышь такое признание какой-нибудь распутник — тот заездил бы юношу до смерти.

Сяо Минпань удовлетворился лишь одним разом.

На самом деле ему хотелось больше, но многолетняя, ввевшаяся в кровь привычка к осторожности подсказывала: нельзя продолжать, если позволить себе снова, потом он уже не совладеет с собой.

Взглянул на юношу в своих объятиях — с пылающими румянцем щеками, в хмельном полузабытьи, — и подумал: и так получилось довольно жестоко.

Только собрался покинуть постель, как Су Фан спросил заплетающимся языком:

— Уже всё?

Они омылись и легли вновь.

Су Фан и вправду выбился из сил. Прижавшись к стене, уже проваливаясь в сон, он тревожно подумал: «Всего раз... Смогу ли я понести?»

Сяо Минпань старался подняться беззвучно. Но юный супруг, точно котёнок, спал очень чутко и тут же открыл глаза.

— Погодите, мой господин! — всполошился Су Фан. — Я помогу вам одеться.

Он заметался, натягивая одежду.

Сяо Минпань ни за что на свете не мог бы со спокойным сердцем позволить ребёнку прислуживать себе. Он уговаривал Су Фана поспать ещё, но тот упрямылся.

Нелепая свадьба завершилась, а ворох последствий ещё предстояло разгрести.

Сяо Минпань сказал, что днём ему нужно отлучиться, а к вечеру он вернётся.

Су Фан закивал, многократно повторяя «хорошо».

— Мне ехать с вами? — спросил он. — Нужно ли мне что-то сделать?

Великий полководец Сяо Минпань тогда не уловил подоплёки вопроса. Недолго думая, он беззаботно ответил:

— Не нужно. Будь дома.

Покинув дом, Сяо Минпань сперва направился напрямиком в усадьбу Су.

Всё случилось внезапно, и, хотя накануне вечером он действовал по принципу «сперва совершить, потом докладывать» и вопрос о замене жениха уже был решён, но требовалось тщательно переправить все сопутствующие документы.

Министр Су уже отбыл на утреннюю аудиенцию к императору, так что Сяо Мина встретила его

супруга, мачеха Су Фана.

Та вздыхала да охала.

— Что уж теперь говорить... дело сделано. Так или иначе, император желал видеть, как наши семьи породнятся узами брака. Исход дела от этого не меняется.

— Вот и славно, — отвечал Сяо Минпань. — Тогда завтра я привезу Фан-гэ нанести вам визит.
— Подумав, он строго прибавил: — Прошу вас, ведите себя как обычно и ни в коем случае не вините его.

Затем он отправился в лагерь императорской гвардии.

Шесть лет назад, когда бои на границе утихли, Сяо Минпань, бывший тогда наместником целого военного округа, был отозван в столицу. У него отобрали тигриную бирку — символ командования двухсоттысячной армией, — и перевели на должность командующего дворцовой стражей.

Чин остался тем же, но он уподобился тигру, у которого вырвали клыки и заперли в клетке.

Сяо Минпань принял это без возражений, исполняя новые обязанности с неизменным рвением.

Он всегда умел держать себя в руках. Каждый день он исправно являлся на службу, блюдя порядок, следуя уставу, пребывая в готовности, подобно солдату, спящему с оружием в руках.

На вчерашнем свадебном пиру было немало его братьев-сослуживцев, и сегодня все смотрели на него с плохо скрываемым любопытством, мялись, не решаясь заговорить. При виде невозмутимого, будто ничего и не случилось, Сяо Минпаня — кто бы осмелился лезть с расспросами?

Однако наглецы везде найдутся.

Командир соседнего гарнизонного лагеря Ван оказался именно таким. Он любил задирать и лезть в чужие дела. Этот человек обожал учинять склоки. Особенно с тех пор, как положил глаз на одного юного гэра, простолюдина девятнадцати лет из приличной семьи — тот уже был помолвлен. Ван попытался силой заполучить его и уже почти преуспел, но юноша пришёл за защитой к Сяо Минпаню, и тот разрушил планы Вана.

Затаив злобу и прослышав, что Сяо Минпань по случайности женился на суженном брата, Ван первым явился поглумиться:

— Никак это господин Сяо? Каково вам спалось первой брачной ночью? А кто, помнится, всё твердил: не пристало-де старому бесстыднику за юным телом гоняться? Ну и как на вкус восемнадцатилетний гэр? Нежный, поди, — как персик спелый: чуть сожмёшь, а он уже и течёт.

— Чего ещё ждать от поганого пса, кроме лая, — отрезал Сяо Минпань.

Ван долго сверлил его лицо взглядом, но лицо Сяо Минпаня оставалось непроницаемым. Холодно хмыкнув, он процедил:

— Что ты корчишь из себя благородного? Поглядим ещё, как ты на старости лет голову

потеряешь от любви — людям на потеху!

«Немыслимо! Не бывать тому», — с уверенностью подумал Сяо Минпань.

Видал он иных пожилых мужей с молодыми жёнами, где старый муж находился под каблуком у юной супруги — вздорной и мотовитой.

Да кто он такой, Сяо Минпань? Чтобы какой-то юный гэр сел ему на шею и вертел как хотел?!

Он вскочил на коня и направился домой.

Боковые ворота были ближе — он не стал объезжать.

Слуги всё ещё прибирали последствия свадебной суматохи.

Проходя, он невольно услышал, как двое слуг судачили о Су Фане:

— Семья Су разве не знатная? А у старшего гэра сундуки с приданным почти все пустые, даже до половины не набили. Стыдоба.

— Он же угрожал с жизнью покончить, лишь бы господин взял его в жёны. Вот ведь хитрец...

— Кхм, — прервал их Сяо Минпань.

Оба болтуна осеклись и поспешно склонились:

— Господин.

Сяо Минпань помедлил и распорядился:

— В начале года император жаловал нам шёлка и атласа, золота и серебра, драгоценностей. Половину отнесите в комнаты моего супруга... — И тут же поправился: — Нет. Снесите всё.

Сам он жил в строении под названием «Каменная Обитель».

Миновав округлую лунообразную арку, он внезапно остановился.

Подозвал слугу, что мёл неподалёку, и спросил:

— Чем сегодня занимался господин?

Слуга ответил честно:

— Как вы уехали, господин вернулся во внутренние покои и с тех пор не выходил.

Сяо Минпань замер.

Су Фан не мог бы объяснить как, но шаги Сяо Минпаня он различал безошибочно.

Не дожидаясь, пока отворится дверь, он уже бросился навстречу.

— Вы вернулись, мой господин! — радостно выдохнул он.

Целый день просидеть в тесной комнатке — и даже никакой работой не занять себя! Он едва не задохнулся от тоски.

В волнении он схватил Сяо Минпаня за ладони — и тут же обжёгся их теплом, осознав, что его собственные руки ледяные. Испугавшись, что ледяными руками застудит мужа, он сразу их отдёрнул.

Но Сяо Минпань, наоборот, сжал его пальцы.

Он был военным, и тело его дышало жаром — ладони горели, и тепло волнами передавалось Су Фану.

— Отчего ты не вышел прогуляться? — спросил он.

Су Фан замешкался:

— Вы же сами велели мне оставаться дома... И потом, я здесь человек новый, не ведаю, какие соблюдать правила. Боюсь, как бы не подняли на смех... — голос его делался всё тише, точно он ожидал окрика.

Сяо Минпань ощутил в груди странное, прежде неведомое стеснение — сердце защемило от горечи и нежности, прежде ему незнакомых.

Он мягко сказал:

— Ты теперь мой законный супруг, и этот дом — твой. Родителей моих уже нет, потому тебе не нужно соблюдать никаких строгих уставов. Что пожелаешь, то и делай. Твое слово здесь и есть закон.

— О, — только и вымолвил Су Фан.

На словах согласился, но в глазах его по-прежнему читалась растерянность и тихий испуг — словно бы он жил в непрерывной тревоге, не ведая, откуда грядёт беда.

С детства он привык, что его жизнь подчинена строгим правилам.

Скажи ему вдруг, что отныне никаких правил не будет, — и он попросту не будет знать, как ему быть.

До захода солнца было далеко.

Сяо Минпань прошёл с ним в кабинет.

Завидя, что муж расстилает бумагу, Су Фан немедля взялся растирать тушь.

Сяо Минпань написал первую половину брачного договора и протянул ему кисть:

— Дopiши остальное.

Су Фан замер у стола. Прошло немало времени прежде, чем он решился пошевелиться.

Наконец прошептал:

— Я... я неграмотен.

Маленькое, нежное, как цветочный лепесток, личико залилось краской жгучего стыда.

Сяо Минпань оторопел.

Он вспомнил, как при первой встрече мачеха Су Фана говорила, что мальчик обучался дома грамоте. Тогда он ещё обрадовался: «Чудесно! Это ли не образец просвещённости и благородства? Семья потомственного учёного...»

— Твой отец был первым на императорском экзамене! — невольно вырвалось у него. — И ты неграмотен?!

Из глаз Су Фана хлынули слёзы.

— Я умею писать только своё имя, — сказал он, сгорая от стыда. — И ещё знаю на память два стихотворения. Те самые, что прочитал вам, когда вы меня спрашивали ещё в родительском доме. Я вас обманул.

Слёзы полились пуще.

«Вот беда!» — мысленно ахнул Сяо Минпань.

— Ничего, ничего, — поспешно заговорил он, — неграмотен — не беда, начнём учиться с нынешнего дня. Я сам лишь в двадцать лет накопил денег и нанял учителя — позже твоего начал.

На деле же он уже через полгода службы осознал важность грамоты и стал сам изучать военные трактаты. Но всё же правдой было то, что настоящего наставника он нашёл в двадцать.

— Брачный договор я заполню сам, а ты только подпиши.

Сяо Минпань всё сделал собственноручно.

Закончив, он прочитал Су Фану каждую строку вслух.

Лишь тогда юноша поставил подпись и приложил палец, смоченный киноварью.

Сяо Минпань наконец увидел, как тот пишет.

От усердия у Су Фана выступил пот на кончике носа, а знаки всё равно легли немного криво.

— Очень ровно и красиво, — сказал Сяо Минпань, покривив душой.

Су Фан улыбнулся сквозь слёзы.

Дело, можно сказать, удалось уладить.

Признаться, он с изумлением заметил, что стоит ему заплакать — и Сяо Минпань сразу смягчается. В семье Су на это никто бы и внимания не обратил. Но ему не было стыдно, ни капельки. Почему слёзы не могут быть оружием? Всякий пускает в ход то, чем наделён, чтобы добыть то, чего нет.

Лишь бы это приносило плоды. Пусть он слаб, но в этой слабости — своя скрытая сила.

— Через несколько дней, когда всё уляжется, я подыщу тебе учителя, — пообещал Сяо Минпань.

— Лучше вы сами меня учите, — возразил Су Фан. — С моими-то крохами знаний меня, поди, с детворой за один стол посадят. Стыд-то какой.

Он снова взял в руки их брачный договор, и лицо его расцвело улыбкой.

— У вас такой красивый почерк, — искренне восхитился он. — Будьте моим учителем.

Сяо Минпань в детстве ничем не отличался от других деревенских ребятишек, не раз за это о нем злословили и унижали сослуживцы из более родовитых семей. Не желая мириться с таким отношением, он вложил титанические усилия в учебу, обучился грамоте и каллиграфии.

Сам-то он не считал себя таким уж умным и гениальным, так, кое-что знал, да и только. В сущности, он как был, так и остался грубым воякой.

Но кто же устоит перед сияющим и восхищенным взглядом юного красавца?

На сердце у него стало сладко.

— Хорошо, я буду тебя учить, — без колебаний согласился Сяо Минпань.

Сказано — сделано.

К счастью, у него оставалось много книг, купленных когда-то для брата. Отыскав две начальные книжки с картинками — из тех, что и восьмилетний ребёнок осилит, — он вручил их Су Фану вместе со словарём, наказав за два дня попробовать их прочитать.

— Не торопись. Учись понемногу, — наставлял он.

Сам же он засел за служебные бумаги. Потом надлежало ещё упражняться в боевых искусствах.

Час спустя он, разогретый и распаренный, с приятной ломотой в теле, вернулся в спальню.

Су Фан тотчас подошёл к нему с книгой в руках:

— Супруг мой, я всё выучил. Проверьте меня.

Сяо Минпань вновь изумился:

— Так скоро?

Су Фан, краснея, проговорил текст наизусть, без запинки. И прибавил:

— Чудесная история.

Что-то дрогнуло в груди у Сяо Минпаня. «Пусть Су Фан ещё совсем дитя — но куда послушнее моего беспутного братца», — подумал он. Он погладил его по голове и похвалил за прилежание.

И тут Су Фан, словно набравшись смелости, выпалил:

— Тогда... сегодня вечером вы снова разделите со мной супружеское ложе?

Сяо Минпань потерял дар речи. Он решительно не знал, что ответить.

Видано ли, чтобы юный гэр до такой степени не ведал стыда и сам настойчиво домогался близости?

Конечно, Су Фан очарователен, но всё же, всё же... Где же тот обещанный мачехой высокообразованный, благородный юноша из почтенной семьи? На деле же — настоящий упрямец, безграмотный и, ко всему прочему, — охоч до любовных утех!

Эх... Воистину его обманом завлекли в этот брак.

Су Фан без малейшего стеснения забрался к Сяо Минпаню на колени, прильнув к его могучей груди.

Он всё продумал наперёд.

Ведь Сяо Минпань, как ни крути, уже немолод. Ему скоро сорок, и, вероятно, осталось не так много лет, пока он может являть мужскую силу. Чтобы суметь упрочить своё положение в доме, необходимо было, разумеется, не мешкая ни мгновения и как можно скорее родить ему нескольких здоровых сыновей.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17350/1643270>